

**ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ
«ГОСУДАРСТВО И ПРАВО», «ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ
ЖИЗНЬ», «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»,
«ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА» НА ТЕМУ «ПРАВОВЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ», ПОСВЯЩЕННОГО ЮБИЛЕЮ
ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РФ,
ДОКТОРА ЮРИД. НАУК, ПРОФ. А.С. МОРДОВЦА**

© 2019 г. А. В. Малько^{1, *}, Н. В. Кроткова^{2, 3, **}, К. А. Грандонян^{4, ***}

¹ Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

² Институт государства и права Российской академии наук, Москва;

³ Журнал «Государство и право» РАН, Москва

⁴ Саратовский социально-экономический институт (ф) РЭУ им. Г.В. Плеханова

* E-mail: i_gp@ssla.ru

** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

*** E-mail: karap.grand@mail.ru

Поступила в редакцию 21.09.2018 г.

Приведен обзор Всероссийского «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вестник Российской правовой академии», «Правовая культура» на тему «Правовые преимущества: история и современность», посвященного юбилею заслуженного работника высшей школы РФ, доктора юрид. наук, проф. Александра Сергеевича Мордовца, который состоялся 28 июня 2018 г. в Саратовской государственной юридической академии.

Актуальность публикации материалов «круглого стола» обусловлена значимостью исследования института правовых преимуществ и практике его реализации в современном обществе.

Цель «круглого стола» — проанализировать разносторонние аспекты правовых преимуществ через историческую призму и особенности современного правового регулирования. Участники «круглого стола» обсудили идеологию равноправия и детерминанты правовых преимуществ в обществе и государстве. В приведенных выступлениях участников обосновываются роль и значение различных правовых преимуществ в правовой системе общества, приводятся как критические замечания, так и новые предложения по развитию теории и практики правовых преимуществ.

Ключевые слова: правовое преимущество, правовая культура, правовое государство, гражданское общество, идеология равенства.

DOI: 10.31857/S013207690003663-1

28 июня 2018 г. в Саратовской государственной юридической академии состоялся Всероссийский «круглый стол» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вестник Российской правовой академии», «Правовая культура» на тему «Правовые преимущества: история и современность», посвященный юбилею заслуженного работника высшей школы РФ, доктора юрид. наук, проф. Александра Сергеевича Мордовца¹.

Ниже приводятся выступления участников «круглого стола».

А. Г. Репьев, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов

¹ Александр Сергеевич Мордовец скоропостижно скончался 23 октября 2018 г. (Прим. ред.).

внутренних дел Барнаульского юридического ин-та МВД России, канд. юрид. наук, в своем докладе затронул проблемы идеологии равноправия и детерминантов правовых преимуществ в обществе и государстве. Он отметил, что идеологическая доктрина любой политической организации власти основывается на базовых принципах, отражающих интересы и ценности большинства ее членов. Они преобразуются в приоритеты развития как самого государства, олицетворяющего эту власть, так и гражданского общества. Одним из ключевых идеалов, на основе которого как основывались первые государства, так и существуют современные, было и остается равноправие всех членов общества. Его обоснование не должно исключать допустимости отступлений в виде преимуществ отдельных субъектов, т.е. их правомерной возможности удовлетворять свои интересы наиболее полно и всесторонне, путем предоставления

особых дополнительных прав и гарантий, а также неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям.

Современная государственная идеология относительно равноправия и преимуществ не всегда последовательна, носит несколько хаотичный характер. Обращает внимание своеобразная «эволюция взглядов» руководителей страны на такие разновидности преимуществ, как «привилегия» и «льгота». На рубеже XX – XXI вв. ими неоднократно подчеркивалась недопустимость преимуществ для отдельных представителей предпринимательства². Однако сегодня законодатель через систему таких преимуществ, как иммунитеты, привилегии, льготы, особые правовые процедуры, успешно создает зоны опережающего экономического развития, территории рекреации, инновационные центры. Это позволяет в подобных правовых образованиях реализовывать полномочия по приоритетному получению юридическими лицами бюджетных средств без учета конкретных целевых показателей, налоговых и таможенных льгот, осуществлять свою деятельность, пользуясь иммунитетом от административного, бюджетного контроля.

Ключевая роль в идеологии государства современных правовых преимуществ позволяет выдвинуть тезис, что неравенство, положенное в основу последних, все же естественно и объективно. Первым объективным детерминантом правовых преимуществ выступает признание человека млекопитающим. Как бы мы к этому ни относились, равенство живых существ в природе невозможно, оно эфемерно. Биологическая справедливость опирается на принцип признания права сильнейшего. Далее природное неравенство усиливается экономическими и политическими факторами. Первые определяют достижение высоких показателей экономического роста, обеспечивают развитие наукоемких технологий, поддержку культурных и просветительских сфер государства, сохранение природного наследия. Вторые базируются на управленческих принципах иерархии, субординации. Необходимость управления людьми сама по себе ставит вопрос о приоритетности воли управляющего и подавлении ею воли управляемого.

Обозначенная естественная дифференциация общества не должна оцениваться отрицательно до тех пор, пока ее критерии объективны, например необходимость обеспечения независимости и беспристрастности высших должностных лиц, выполняющих важные государственные функции, либо поощрение физических и юридических лиц, добившихся высоких результатов в труде, на производстве, и их последующее стимулирование, либо же необходимость социальной поддержки и компенсации отсутствия у отдельных граждан психофизиологических способностей и требование выравнивания их возможностей с другими участниками отношений.

Вместе с тем объективные закономерности государственного и экономического развития нашей страны позволяют с большой долей вероятности прогнозировать элементы злоупотребления предоставленными «сверхправами» и возможностями. Полагаем, что одними из объективных механизмов снижения коррупционных и иных рисков должны выступать: действенный социальный и государственный контроль; закрепление конкретных показателей деятельности для физических и юридических

лиц, достижение которых определяет получение дополнительных преимуществ; экономически просчитанное и социально обоснованное установление новых преимуществ для обеспечения баланса интересов всех участников общественных отношений. Только при таком подходе преимущества не станут дискриминирующим средством, а будут восприниматься как институт, повышающий эффективность правового регулирования.

А. С. Мордовец, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского ин-та (ф-ла) ВГУЮ (РПА Минюста России), д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы России, обратил внимание на социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина и вопросы реализации правовых преимуществ, отметив, что в своем докладе и ответах на вопросы участников «круглого стола» А. Г. Репьев весьма основательно затронул проблему места и роли преимуществ в общей теории прав человека, внутригосударственных и международных механизмах их обеспечения. Так, диалектическая взаимосвязь правовых преимуществ и прав человека в социально-юридическом механизме охраны и защиты прав и свобод личности прослеживается через такой его элемент, как принципы прав человека и гражданина. Речь идет, в частности, о принципах равенства, справедливости, гуманизма, уважения прав человека и гражданина.

А. Г. Репьев в своих научных публикациях правильно утверждает, что правовые преимущества нередко детерминированы необходимостью поддержки человека в различных жизненных обстоятельствах. При этом конечными целями правовых преимуществ для субъектов общественных отношений служат их социально поддерживающий характер, восстановление и укрепление статуса полноценного члена общества. Он классифицирует их на две группы: преимущества компенсационного характера и преимущества стимулирующего свойства. В первом случае они реализуются через льготы и привилегии, которые в социально-юридическом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина нередко проявляются в форме гарантий. Так, депутаты Государственной Думы РФ гарантированно установили минимальную доплату к пенсии за срок исполнения обязанностей от 5 до 10 лет – 46 626 руб., свыше 10 лет – 63 581 руб. Средняя же пенсия по России (при стаже работы от 20 лет) составляет, по состоянию на 2018 г., 14 138 руб. Сложно в данном случае речь вести об уважении социального статуса своих избирателей, если иметь в виду, что уважение есть максимально почтительное отношение к человеку, базирующееся на принципах равенства, справедливости и гуманизма.

Стимулирующие преимущества являются, вероятно, элементом содержания стимулятивно-регулятивной функции социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Ее цель – установление гарантированных преимуществ лицам, правовой статус которых требует особой защиты со стороны государства, например детей, беременных женщин, недееспособных граждан, и в то же время создание условий для работодателя, должностных лиц государственных органов и муниципальных образований, которые стимулировали бы их интересы в производственной сфере, путем налоговых и иных льгот, снижения юридической ответственности за производственные риски, связанные с участием работников (группы риска).

С. М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии

² См.: Порядок во власти – порядок в стране: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. // Росс. газ. 1997. 7 марта.

ФСИН России, д-р юрид. наук, акцентировал внимание аудитории на детерминанты дискредитации государственной власти как препятствия в реализации идеологии равенства в современной России. Рассматривая детерминанты возникновения и распространения дискредитации в России при их глубоком научном анализе, необходимо исходить из целей и задач, которые ставят перед собой западные акторы, их политические деятели, идеологи демонтажа государственной власти на территории иностранных государств. Безусловно, нужно иметь в виду и принимать во внимание то, что деятельность агрессивных настроенных западных стран в большинстве случаев направлена на подрыв и дестабилизацию политической, общественной, военной, культурной, информационной и социально-экономической сфер России.

Если говорить о непосредственных детерминантах дискредитации России, то условно их можно разделить на две большие взаимосвязанные группы – внешние и внутренние. Внешние обусловлены деятельностью западных государств по отношению к России. К ним относятся следующие факторы: политические, культурные, религиозные, идеологические, социально-экономические. Внутренние зависят от деятельности государственной власти. К ним относятся аналогичные по названию факторы: политические, культурные, религиозные, идеологические, социально-экономические. Несмотря на идентичные названия, группы факторов различаются по своим характеристикам, связанным с мотивацией, направленностью, субъектным составом, масштабом и последствиями распространения дискредитации. Главным эпицентром дискредитации является население государства, потому как оно выполняет роль «лакмусовой бумажки», впитывающей все сразу и способной изменять свое мнение.

Важной сферой взаимодействия политической и правовой идеологии выступает правотворчество, в процессе которого происходит реализация политических идей, выраженных в политической идеологии, в формах права. Правовая же идеология – это отражение назревших потребностей в изменениях и развитии тех или иных правоотношений³. На взгляд выступающего, требуют разрешения проблема и связанная с ней потребность государства в минимизации негативных последствий дискредитации.

Для обеспечения механизма противодействия детерминантов дискредитации необходимо усиление правотворческой функции Российского государства. Правотворческая функция государства напрямую связана с обеспечением механизма противодействия распространению дискредитации и представляет собой деятельность государственных органов, направленную на осуществление законотворческого процесса на предмет его соответствия выработке действенных государственных мер противодействия дискредитации. Правотворческая функция направлена на выработку конструктивных законодательных актов, на основе которых государственные органы могут осуществлять планомерную борьбу с пресечением актов распространения дискредитации. На фоне этого будет развиваться тенденция по разработке антидискредитационной политики России.

Н. И. Биюшкина, профессор кафедры теории и истории государства Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, д-р юрид. наук, отметила, что идеи всеобщего

³ См.: *Бабин Ю. М.* Особенности взаимодействия политической и правовой идеологии в социалистическом обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1981. С. 17.

и юридического равенства развиваются неравномерно. Представления о необходимости всеобщего равенства возникли в трудах таких ученых-философов, как Т. Мор, Т. Кампанелла, К. А. Сен-Симон, Р. Оуэн. С XVI в. в сочинениях социалистов-утопистов доминирующими началами выступают отторжение частной собственности и иных материальных благ, всеобщность труда, тотальная уравнительность. С точки зрения Т. А. Тарасовой, социалистами-утопистами был предложен «определенный социальный “абсолют”, который, по мнению его создателя, является “золотым” состоянием государства, к которому оно может прийти при соблюдении основных жизненных принципов. Например, Т. Кампанелла всерьез считал, что его общество в сочинении “Город Солнца” (1602 г.) реализуемо на практике»⁴. В ракурсе концепции всеобщего равенства развивались и учение К. Маркса и Ф. Энгельса, безусловно, одним из источников которого являлся социализм-утопизм.

В ст. 1 Конституции Франции 1791 г. устанавливалось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах...»⁵. Представления о юридическом равенстве носили поистине революционный характер, уничтожив господствовавшие в феодальный период юридически оформленные привилегии аристократии в отношении государственного управления, правотворчества, правосудия, земельных владений и зависимых крестьян.

Из концепции всеобщего равенства, таким образом, кристаллизуется юридическое равенство, получившее дальнейшее выражение в трудах политико-правовых мыслителей, отразившееся в действующем законодательстве и послужившее основой сложившейся юридической практики большинства государств.

Принцип юридического равенства приобрел всеобщий характер в тех странах, где он был возведен в ранг конституционной нормы, в то время как социальные, политические, экономические права и свободы, провозглашенные в основных законах ведущих стран мира, распространяют свое действие в полном объеме только на граждан этих государств.

В. В. Трофимов, директор НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина, д-р юрид. наук, доц., обратил внимание на то, что современное право находится в фазе довольно существенных трансформаций, что обусловлено в первую очередь изменениями, происходящими в окружающей жизни, ускоренными социально-экономическими и общественно-политическими процессами, многоуровневой дифференциацией общества по различным социально-правовым критериям, противоречивыми тенденциями в области глобализации и регионализации, появлением новых сфер жизнедеятельности, тотальной информатизацией и цифровизацией окружающей реальности и проч. Право из некоей стабильной и упорядоченной системы, задающей единую меру для всех и каждого, объективно перешло в стадию стохастичности и энтропии, изменяя свою материю по вектору усложнения, полиструктурности, многокритериальности, внутренней дискретности и т.п., где порой все чаще «политику»

⁴ *Тарасова Т. А.* Утопия как политическая и правовая конструкция общества и государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». Т. 5. 2017. № 1 (17). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 22.06.2018).

⁵ Документы истории Великой французской революции: учеб. пособие для вузов: в 2 т. / отв. ред. А. В. Адо; сост. А. В. Адо и др. Т. 1. М., 1990. С. 112.

правового регулирования определяют не столько общие правила, сколько исключения из таковых.

Вполне оправданно усиление в юридической науке интереса к правовым явлениям, которые выражают характер подобных трансформаций в праве, в частности к феномену так называемых правовых преимуществ (преимуществ в праве) как тех юридических форм, которые предполагают отличный от общего (особый, преимущественный, привилегированный) порядок реализации отдельными субъектами права своих юридических возможностей и обязанностей.

Осуществляя преобразования в праве, необходимо помнить и утвердить в качестве аксиомы то, что «человек является мерой всех вещей» (Протагор), а в основе всего права должен находиться «концепт человеческого достоинства» (Н. А. Придворов, Ю. Хабермас). Правовая политика сможет проявить весь свой конструктивный потенциал лишь в том случае, если ее стратегия и тактика будут ориентированы на интересы личности, на наиболее полную и эффективную реализацию прав и свобод человека и гражданина (А. В. Малько). Таким образом, поскольку «право есть произведение человеческое» (Г. Ф. Шершеневич), все значимые действия в области права должны начинаться с антропологического момента, быть опосредованы фактором личности (человека) как ценностно-практическим измерением явлений и процессов государственно-правовой жизни.

А. Н. Варыгин, зав. кафедрой прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», д-р юрид. наук, проф., в своем докладе обосновал необходимость наличия федерального закона «О противодействии преступности». Он отметил, что в криминологической науке, к сожалению, до настоящего времени не сложилось однозначного подхода к определению такого важного (если не одного из наиболее важнейших) направления деятельности государства и общества, которое можно емко определить как «реагирование на преступность». Такое направление деятельности определялось и определяется по-разному: «борьба с преступностью», «война с преступностью», «контроль над преступностью», «предупреждение преступности», «воздействие на преступность», «противодействие преступности», «профилактика преступности (преступлений)»⁶.

Наличию такого терминологического многообразия способствует отсутствие прочной, научно обоснованной правовой базы реагирования на преступность, в которой речь шла бы о конкретном понятии. Если посмотреть действующие нормативно-правовые акты, то в них существует огромное разнообразие понятий. В частности, Конституция РФ (ст. 114) говорит о борьбе с преступностью; УК РФ в качестве своих задач, а УИК РФ в качестве целей закрепляют предупреждение преступлений и, соответственно, преступности; в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁷ сказано как о противодействии

преступности (ст. 1), так и о предупреждении преступлений (ст. 2).

В последние годы стали приниматься законы, направленные на противодействие преступности и преступлениям: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁸, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁹, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем»¹⁰ и др. Они оперируют понятием «противодействие преступности», хотя и эти законы ясно-сти в рассматриваемом нами вопросе не вносят.

Вновь получается терминологическая путаница. Этой путанице способствуют:

во-первых, криминологическая безграмотность законодателя, и это — не удивительно, если сами криминологи не определились с терминологией;

во-вторых, отсутствие федерального закона, который мог бы называться «О противодействии преступности в Российской Федерации», в котором были бы даны его определение, виды, формы, субъекты и т.д. Кстати, о необходимости подобного закона говорили еще в прошлом веке проф. А. Г. Лекарь, Г. М. Миньковский и многие другие ученые¹¹, но «воз и ныне там». Обидно то, что в условиях гиперактивности законодателя (Госдумы РФ) он этой проблемой особо не озадачен;

в-третьих, терминологическому разнобою (разногласиям) способствует, как нам кажется, то, что руководство страны и законодатель вообще не озадачены проблемами реагирования на преступность, иначе давным-давно были бы приняты соответствующие концепция или стратегия, утвержденные Указом Президента РФ, например Концепция противодействия преступности в Российской Федерации или Концепция государственной политики противодействия преступности в Российской Федерации, одной из мер которой было бы возможное принятие соответствующего федерального закона о противодействии преступности, что и позволило бы в определенной мере избавиться от подобных терминологических споров.

О. И. Цыбулевская, зав. кафедрой теории права Поволжского ин-та управления им. П. А. Столыпина — филиала РАНХиГС, д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ, утверждает, что в последнее десятилетие в научном мире возрос интерес к аксиологическому осмыслению права. Это не случайно. В цивилизованном социуме право призвано обеспечивать наиболее гармоничное сочетание свободы, ответственности и справедливости, создавать устойчивый миропорядок. Оно способно продуцировать необходимые обществу формы поведения, отграничивая их от произвола и несвободы. Ценность права заключается в том, что, во-первых, право, являясь хранителем общечеловеческих ценностей, способствует духовному развитию общества; во-вторых, с помощью права обеспечивается необходимый уровень жизни людей; в-третьих, право — это средство рациональной организации общества,

⁶ Напр.: Криминология: учеб. / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 380—414; *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2012. С. 916—949; *Ишakov С. М.* Криминология: учеб. М., 2000. С. 75—105; Противодействие преступности. Особенная часть: учеб. / под ред. М. А. Кириллова, В. И. Омигова. Чебоксары, 2015; *Харитонов А. Н.* Государственный контроль над преступностью (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997; и др.

⁷ См.: Росс. газ. 2011. 8 февр.

⁸ См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228.

⁹ См.: СЗ РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1), ст. 3418.

¹¹ См.: *Миньковский Г. М., Ревин В. П., Барина Л. В.* Концепция проекта федерального закона «Об основах предупреждения преступлений» // Государство и право. 1998. № 3. С. 43.

осуществления государственной власти. И наконец, право — это фактор достижения и осуществления баланса интересов индивида и общества.

Ценностное измерение права актуализируется в эпоху глобализации. Глобализационные процессы оказывают неоднозначное (больше деформирующее) влияние на все элементы правовой системы, в первую очередь на правовое сознание. Не случайно все чаще мы обращаемся к исследованию правовой ментальности того или иного народа, и весьма остро, в западных странах в частности, встала проблема мультикультурализма. Российское право как элемент культуры в условиях глобализации должно сохранить свою самобытную духовно-гуманистическую ценность.

Право — это не только политико-юридический, но и моральный феномен. Общесоциальная ценность права связана с его этической природой. «Работая» в правовом поле деятельности, моральные нормы и принципы обретают специфические юридические признаки. Так, справедливость, базовая, стержневая для области права ценность, буквально «скрепляет» весь набор социально значимых ценностей — от глубинных духовных оснований до норм той или иной отрасли права и считается аксиологической нравственно-правовой категорией. Сказанное в значительной мере приложимо к ценностям «свободы» (право как граница и мера свободы) и «равенства». В сфере права последнее приобретает статус формального равенства — равноправия.

Равноправие граждан как общеправовой принцип развивает, уточняет принцип социальной справедливости; оба этих принципа должны интегрироваться в гуманизм — магистральное направление развития цивилизованного общества.

В контексте означенной темы хотелось бы уточнить: в названии заслушанного доклада правильнее было бы использовать термин «равноправие» (а не «равенство»). Равноправие — политико-правовой принцип и юридическая категория — отличается от понятия равенства. Последнее есть материальная основа равноправия. Равенство как более широкое понятие, чем равноправие, функционирует во многих сферах социального бытия, но не все элементы социального равенства получают закрепление в праве.

Не одно поколение российских граждан воспитывалось на иллюзорных, утопических идеалах равенства. Сегодня, наконец, пришло понимание того, что идеал равенства в социально-экономической сфере неизбежно приводит к несвободе, росту ограничений, и государством должно обеспечиваться не фактическое равенство (это невозможно), а равенство всех перед законом и судом, создание равных стартовых условий. Нет социальной справедливости в том, чтобы все были одинаково бедны. Надо стремиться к тому, чтобы достойно существовали все — и граждане, и государство.

Т. В. Милушева, зав. кафедрой гражданского права и процесса Поволжского ин-та управления им. П. А. Столыпина — филиала РАНХиГС, д-р юрид. наук, доц., обращает внимание аудитории на идеологические приоритеты современной правовой культуры. Проблему равенства и преимуществ, которой посвящена сегодняшняя дискуссия, необходимо рассматривать через призму правовой культуры. Именно правовая культура, будучи одновременно и условием, и средой функционирования права и государства, во многом формирует идеологические ориентиры общественного развития и сама развивается под воздействием доминирующих в социуме идей.

Во все времена основополагающей ценностью в российском обществе являлась идея социальной справедливости, поскольку она связана с демократическими идеалами общего блага, свободы, равенства, достоинства личности, социального государства. Справедливость представляется важнейшим критерием легитимности правовых, государственных, политических и общественных институтов. Ее значение повышается в переломные этапы жизнедеятельности общества и государства. В современной России такой момент наступил.

По свидетельствам социологов, в перестроечные годы справедливым считалось равенство в бедности, богатство ассоциировалось с преступлением, несправедливостью. Сегодня содержание справедливости в общественном сознании трансформировало, оно терпимо к существованию неравенства, возникшего на справедливых основаниях. Однако увеличивающийся разрыв между бедностью и богатством, обнищание большого количества трудоспособного населения при растущем количестве долларовых миллионеров позволяют констатировать сложившийся сегодня правопорядок как глубоко несправедливый.

Реализация социальной справедливости обусловлена многими факторами: в частности, содержанием, какое вкладывают в нее правящая элита, общество; уровнем социального и культурного развития общества; системой ценностей; характером взаимодействия общества и государства. Поэтому в условиях конфликтности общественных отношений остро стоит задача сформировать справедливую социальную модель общества, договориться о том, что есть справедливое, а что таковым не является; сформулировать права и обязанности, ответственность, экономические возможности. Единственно возможный путь — достижение общественного согласия, выступающего признаком возможной справедливости.

Е. В. Колесников, профессор кафедры конституционно-го права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», д-р юрид. наук, предпринимает попытку анализа демократизма Конституции и законодательства, отмечая, что в докладе А. Г. Репьева подняты важные общетеоретические вопросы равенства, равноправия, демократии. Однако едва ли не первостепенная роль в утверждении этих ценностей принадлежит национальной Конституции и законодательству. История, политическая практика убедительно свидетельствуют, что конституционный (учредительный) акт — явление демократического порядка, ибо он принимается народом (или при его активном участии) и ограничивает институты власти.

Только Конституция способна обеспечить и поддерживать демократическую организацию власти. Обычно речь идет о системообразующем принципе государственного строительства — разделении властей. Еще во французской Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. было определено: то общество, где не обеспечено разделение властей, «вовсе не имеет Конституции»¹².

Принятая на общенациональном референдуме 12 декабря 1993 г. Конституция РФ определила основные тенденции развития общества и государства на долгосрочную перспективу. Ее уникальное место в правовой системе вызвано следующими фундаментальными факторами: 1) характером регулируемых общественных отношений, которые по своему содержанию являются конституционными и по большей

¹² Избранные конституции зарубежных стран: учеб. пособие / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2011. С. 200.

части изначально, первичными; 2) целенаправленным воздействием на развитие законодательства, всех источников права; 3) наивысшей юридической силой; 4) высокой степенью нормативного обобщения; 5) прямым действием; 6) особым порядком принятия и изменения.

Конституция России – это единственный национальный правовой акт, который сам определяет свою юридическую силу. Ни один закон не может быть поставлен в один ряд с Конституцией, а тем более изменять или отменять ее положения. Высшая юридическая сила действующего Основного Закона прямо и четко выражена в таких его нормах, как ст. 4, ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 120, п. 1 и 2 разд. 2.

Российская Конституция воздействует на всю правовую систему, но в особенности на законодательство. В основных нормах установлены и прямо обозначены такие источники, как федеральные конституционные и иные законы, акты палат Федерального Собрания, Президента РФ, Правительства РФ, международные договоры, конституции (уставы) и иные правовые акты субъектов Федерации, государственно-правовые договоры, решения органов местного самоуправления. На конституционном уровне не только однозначно решены вопросы соотношения указанных источников права, исходя из приоритета Основного Закона как «единого систематизированного и логически непротиворечивого целого» в системе нормативных и правоприменительных актов (ч. 1 ст. 15), но и установлены рамки, стадии и отдельные направления законодательного процесса (гл. 4, 5).

Конституция и система законов – это важнейшие основы и предпосылки желаемого порядка общественных отношений, складывающихся в процессе их реализации. Актуальная, политически значимая проблема для государства и общества – полная и последовательная реализация базовых (конституционных) установлений.

В. Г. Громов, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», д-р юрид. наук, свое выступление посвятил проблемам дефиниции и видов социального контроля в исправительных учреждениях, подчеркнув, что существует множество определений понятия социального контроля.

По его мнению, социальный контроль – это контроль, проверка, наблюдение, осуществляемые непосредственно самим обществом, общественными объединениями, общественными организациями над кем-либо или чем-либо. Социальный контроль является элементом жизнедеятельности любого общества независимо от стадии его развития и выступает средством социальной регуляции.

Социальный контроль бывает двух видов: внутренний и внешний. Внутренний контроль – такая форма контроля еще называется самоконтролем. Индивид должен быть способен держать себя в руках, сдерживать и контролировать свои эмоции, следить за своими действиями и осознавать свои поступки.

Форма внешнего социального контроля – это различные виды контроля, которые выражаются во взаимодействии индивида с обществом, государством, администрацией исправительного учреждения, общественными организациями. Несмотря на то что законодательством предусмотрена возможность социального контроля за

деятельностью уголовно-исполнительной системы¹³, нормы, регламентирующие его, разпылены по различным нормативным правовым актам. Выступающий отметил явное нежелание государства находиться под каким бы то ни было контролем, который может повлечь вмешательство в его деятельность.

Несовершенная правовая регламентация и низкая правовая активность гражданского общества порождают проблему недостаточно четких институциональных основ социального контроля гражданского общества за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы. Поэтому правовое регулирование социального контроля за исправительными учреждениями нуждается в оптимизации.

П. А. Гук, профессор кафедры «Правосудие» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», д-р юрид. наук, рассмотрел вопросы соотношения правовых преимуществ и преимущественного права. Он отметил, что представленные тезисы доклада А. Г. Репьева заслуживают всяческой поддержки, но, как любая творческая идея, имеют свои недостатки, неточности, требующие авторского обоснования, пояснения, доработки и усиления убедительными аргументами.

В российском законодательстве закреплены правовые понятия, термины относительно преимущественного права. Так, ст. 250 ГК РФ предусматривает преимущественное право покупки участником долевой собственности при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу. Статья 131 ЖК РФ определяет преимущественное право вступления в члены жилищного кооператива в случае наследования пая.

В Правилах дорожного движения РФ в разделе «Дорожные знаки» читаем: 2. Знаки приоритета; 2.6. Преимущество встречного движения; 2.7. Преимущество перед встречным движением. В этой связи возникает вопрос: как эти правовые положения рассматривать и называть – преимущественным правом или правовым преимуществом?

С позиции теории права важно показать общие свойства и различие между правовым преимуществом и преимущественным правом. Следует раскрыть правовую природу данных явлений, факторы возникновения, формирования, развития и прекращения их существования.

А. П. Скиба, начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, д-р юрид. наук, доц., остановился на вопросах необходимости разработки уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения. Уголовно-исполнительное законодательство в указанных случаях представляет собой актуальное направление развития уголовно-исполнительного права. Необходимость его разработки обусловлена многими факторами: ухудшением военно-политической обстановки в приграничных с Россией территориях, существованием террористических угроз, наличием региональных конфликтов, возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и проч. на территории как России, так и сопредельных государств.

¹³ См.: Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ (в ред. от 07.06.2017 г.) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СЗ РФ. 2008. № 24, ст. 2789.

В настоящее время уже имеется правовой институт, который может стать основой для формирования уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: по ст. 85 УИК РФ – в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения (далее – ИУ) чрезвычайного или военного положения; при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в ИУ может быть введен режим особых условий. Однако положения ст. 85 являются расплывчатыми и недостаточно учитывающими особенности различных оснований введения режима особых условий.

При формировании уголовно-исполнительного законодательства в военное время – составной части уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения следует учитывать необходимость изменения большинства пенологических институтов, применяемых в мирное время. Формирование уголовно-исполнительного законодательства в чрезвычайное время требует всестороннего учета особенностей оснований введения чрезвычайного положения. Так, при массовых беспорядках, межнациональных и межконфессиональных конфликтах и т.п. необходима корректировка правового положения осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказание, особенно для изоляции наиболее активных участников-осужденных и усиления режима их содержания, безопасного перевода в другие ИУ как вышеуказанной категории, так и основной массы осужденных и т.д. В то же время при наступлении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и т.п. актуальным видится введение межотраслевого института приостановления исполнения наказаний (исправительных работ и др.).

Безусловно, разработка уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения потребует всестороннего анализа теории и практики исполнения уголовных наказаний, а также существенной корректировки уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства.

Т. В. Касаева, депутат Государственной Думы РФ VII созыва, полномочный представитель Государственной Думы РФ в Конституционном Суде РФ, канд. юрид. наук, доц., сделала акцент на правоприменительную деятельность органов власти в механизме реализации прав человека. Она обратила внимание на то, что идеология равенства должна пронизывать всю правовую сферу, в том числе реализацию права, и в первую очередь правоприменение. Правоприменительная деятельность обладает мощным воспитательным потенциалом. Правоприменителю необходимо демонстрировать глубокое понимание не только содержания норм права, но и его духа и смысла. Взаимодействие с властным, правоприменяющим субъектом призвано укреплять у граждан чувство законности, справедливости и обоснованности принимаемых решений. И, напротив, «дефекты» правоприменительной деятельности приводят к обратному результату, способствуют формированию антикультуры.

Показателем, индикатором правовой культуры властвующего субъекта выступает эффективность осуществляемой им деятельности по реализации прав и свобод человека. Правоприменительная составляющая механизма обеспечения прав человека (как наиболее значимая в практическом отношении) представляет собой специфическую деятельность государственных органов и должностных лиц общей и специальной компетенции, а также негосударственных

структур, направленную на охрану и защиту этих прав. Однако исход дела зависит не только от субъекта, применяющего право, но и от эффективности законодательства. Претворение в жизнь норм о защите прав граждан, весьма развернуто представленных в законах об органах государственной власти, нередко «тормозится» тем, что не все они системно выстроены. Выработка юридических средств, направленных на обеспечение законных прав и свобод личности, и внедрение их в правоприменительную практику – магистральная задача отечественной юридической науки (А. С. Мордовец).

Правоприменение тесно связано с правотворчеством, предопределяется им. Информационно-аналитический аппарат Государственной Думы РФ предлагает свой вариант законодательного прогресса в области защиты прав своих граждан: «Как можно добиться совершенствования российского законодательства в сфере защиты прав человека? На помощь приходит давно проверенный инструмент, который опробован как на международно-правовом уровне, так и на внутригосударственном. Это – кодификация». Разработка Кодекса Российской Федерации о правах человека, безусловно, может сыграть значимую роль в совершенствовании защиты прав человека.

Предполагается, что данный нормативный акт устранил встречающиеся несогласованности между разрозненными нормативными правовыми актами. В кодексе должны быть представлены в полном объеме не только права и свободы, но и обязанности (а именно здесь наблюдаются некоторые пробелы в современном российском законодательстве) человека, государства и общества, а также их взаимная ответственность как необходимый и весьма важный компонент правоприменительного механизма. В нем можно было бы определить стратегию законодательной и исполнительной власти в этой сфере. Ценность кодекса (и это следует отметить особо) будет состоять в его обязательном применении властвующими субъектами¹⁴. Необходимо также создать отлаженную систему взаимодействия государственных и негосударственных структур – субъектов, осуществляющих правозащитные функции, со специальным координирующим органом. Пока такая система не сложилась.

Т. В. Касаева также акцентировала внимание на теоретической разработке вопроса реализации прав человека властными структурами, действующими в режиме правоприменительного усмотрения. Найти разумное сочетание формальной определенности права и оценочной деятельности правоприменителя – сложнейшая задача. Реализация принципов справедливости, гуманизма и равноправия не позволяет исключить оценочную деятельность правоприменителя. Более того, в условиях демократизации общества количество оценочных категорий в законодательстве увеличивается. Важно обозначить ту грань, за которой заканчивается свобода правоприменителя и начинается произвол, выявить и закрепить по мере возможности эффективные критерии и объем усмотрения. В таких случаях должны «включаться» нравственные установки, ограничения, помогающие правоприменителю принять максимально адекватное в рамках законности и справедливости решение, гармонично сбалансированное с точки зрения интересов сторон. Идеология равенства играет здесь значимую роль.

¹⁴ См.: Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации // <http://iam.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.12.2016).

К. А. Грандонян, декан факультета экономической безопасности и таможенного дела Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, канд. юрид. наук, раскрыл грани диалектического соотношения правовых противоречий гражданского общества и правовых преимуществ. Он подчеркнул, что правовое противоречие гражданского общества следует рассматривать как разновидность противоречия гражданского общества, характеризующегося противоположными сторонами правовой действительности и юридическими интересами субъектов. Наличие противоположных сторон правовой действительности проявляется в следующем:

а) демократическое законодательство и неэффективность его реализации, что может быть вызвано не только низким уровнем правовой культуры, недостатками правового воспитания, пассивностью общества, но и незаинтересованностью государственной власти;

б) наличие правового нигилизма, с одной стороны, и правового идеализма и фетишизма – с другой;

в) наличие прав и отсутствие корреспондирующих им обязанностей – несбалансированность прав и обязанностей;

г) существование противоположных юридических интересов взаимодействующих субъектов.

Юридический интерес – понятие родовое по отношению к категории «социальный интерес». В научной литературе под юридическим интересом понимается осуществление принадлежащего субъекту права и освобождение от возложенной на него обязанности¹⁵.

Источниками правовых противоречий гражданского общества могут выступать узкокорпоративные начала в праве; недостатки правовой базы функционирования институтов гражданского общества. Узкокорпоративные начала в праве могут обуславливать несбалансированность прав и обязанностей субъектов, наличие противоположных юридических интересов. В качестве примера можно привести институт правовых преимуществ.

Наделение правовыми преимуществами узкой части населения, как правило, имеющей доступ к экономическим и политическим благам, неумолимо может привести к социальному недовольству со стороны большей части гражданского общества. И в этом смысле правовые преимущества можно рассматривать в качестве источников правовых противоречий гражданского общества.

А. А. Шаповалов, доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, канд. юрид. наук, отметил, что в современном Российском государстве право есть ключевой регулятор общественных отношений. Осуществляется правовое регулирование посредством имеющихся методов, приемов и средств. В каждой отрасли российского права этот процесс весьма специфичен. Это объясняется тем, что каждая отрасль права использует собственные механизмы для регулирования общественных отношений (дозволения, ограничения, запреты и др.). Общеизвестно, что все отрасли права берут свою силу из главенствующей отрасли – конституционного права. Так,

в Конституции РФ 1993 г. были закреплены фундаментальные положения (право на жизнь, свободу, неприкосновенность, собственность и др.), которые дали толчок к развитию отраслевого законодательства России, но при этом закрепили положения, которые предоставили определенным субъектам особое положение (ст. 91 – Президент РФ обладает неприкосновенностью; ст. 98 – члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью; ст. 122 – судьи неприкосновенны), хотя в ст. 19 установлено равенство граждан перед законом и судом. Согласно ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Анализируя обозначенную статью, можно сказать, что равенство всех перед законом и судом означает: 1) граждане и другие лица равны перед законом (равноправие); 2) для всех граждан, других лиц характерны равные обязанности; 3) за нарушение установленного законодательства граждане и другие лица могут быть подвергнуты мерам юридической ответственности на равных основаниях (равенство перед судом).

Получается, что граждане и другие лица, несмотря на ряд положений, закрепленных в Конституции РФ, могут быть наделены определенными привилегиями (правовыми преимуществами). По мнению А. А. Шаповалова, правовые преимущества (правовые льготы, правовые привилегии, правовые иммунитеты) противоречат не только Конституции РФ, но и отраслевому законодательству, тем самым ставят граждан в неравное положение.

О. В. Шляпкина, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», канд. юрид. наук, предприняла попытку исследовать проблемы реализации правовых преимуществ в контексте противодействия подростково-молодежной групповой преступности. Происходящие кардинальные преобразования в различных сферах жизнедеятельности современной России, направленные на дальнейшее поступательное развитие нашего общества, актуализируют проблемы, связанные с реализацией конституционных прав и свобод личности, её правовых преимуществ, в том числе определёнными категориями граждан.

Сложность в решении данного вопроса заключается в отсутствии в современной медицинской, психологической, социологической, криминологической литературе четкой общепринятой градации возрастных периодов человека, в частности молодежного возраста. Молодежная преступность рассматривается лишь в пределах возрастных границ от 18 до 29 лет. Необходимо заметить, что возраст несовершеннолетия не является универсальным для всех государств мира – обычно это 18 лет. В то же время молодежная преступность по законодательству большинства европейских государств можно рассматривать в различных возрастных рамках: от 13–14 до 30–35 лет¹⁶. Однако, как представляется, в данную социально-демографическую группу входят лица от 14 до 35 лет. Такое определение

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Афанасьев С. Ф.* Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (Теоретико-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 6–11.

¹⁶ См.: *Денисов С. Ф.* Учёт исторического и зарубежного опыта при формировании и реализации стратегии борьбы с молодежной преступностью на Украине // Вестник Казанского юридического ин-та МВД России. Спецвып. 2013. С. 190.

границ молодости заимствовано не только из социологических исследований, но и из собственного наблюдения, основанного на констатации фактов продления молодыми людьми возраста детства, отсутствии стремления проявить свою самостоятельность, утрате ими престижа институтов брака и семьи, увеличении сроков получения образования (основного и дополнительного), смещении границ этапов социализации личности. Четкое установление круга лиц, относящихся к рассматриваемой социально-демографической группе, позволит выявить не только общие, но и специфические возрастные, а также другие характерные признаки, в том числе физиологические, психологические, типологические составляющие членов подростково-молодежных формирований и определить объект предупредительного воздействия.

На сегодняшний день в России основной специальной мерой предупреждения групповой подростково-молодежной преступности продолжают оставаться уголовная ответственность, уголовное наказание. Действующий Уголовный кодекс РФ создал правовые основы для более глубокой их дифференциации. Социальная потребность закрепления особого порядка уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних заключается в том, что с учетом особенностей интенсивно развивающейся психики подростка необходима достаточность уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников, которая может быть достигнута в большинстве случаев применением к ним смягченных или специфических мер воздействия.

К числу дискуссионных относятся проблемы применения к несовершеннолетним мер, альтернативных наказанию: воспитательного, реабилитационного, медицинского, психологического воздействия.

Результаты проведенного нами исследования позволяют говорить о том, что борьба с групповой подростково-молодежной преступностью и эффективность ее мер зависят прежде всего от наличия в обществе научно обоснованной концепции реагирования на данный вид преступности и правильного использования криминологической информации о ней.

А. С. Рабаданов, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», канд. юрид. наук, указал, что в условиях современных социально-экономических реалий важным направлением уголовно-правовых исследований является поиск альтернатив традиционной уголовной репрессии. Сегодня действующее уголовное законодательство Российской Федерации рассматривается через призму таких базовых его понятий и положений, как «преступление» и «наказание».

А. С. Рабаданов обосновывает необходимость принятия новой теоретической модели-концепции, основанной на «гарантиях защиты в уголовном праве РФ», и, таким образом, выявления перспективных направлений для формирования развитой правовой системы твердых, реальных, надежных гарантий защиты в уголовном праве России, обстановки защищенности, т.е. отсутствия (устранения, исключения) опасности быть привлеченным к уголовной ответственности необоснованно и незаконно для лица, активно защищающего личные, общественные или государственные интересы, а также целесообразность одновременного его использования в системе с базовыми категориями и положениями УК РФ, такими как «преступление» и «наказание», формирования системы права, гарантирующей защиту личности, общества и государства от любых

общественно опасных угроз и посягательств, удержания граждан от совершения любых правонарушений.

Для этих целей необходимо четко сформулировать и законодательно закрепить единую правовую систему надежных гарантий защиты личности, общества и государства от (любых) общественно опасных угроз и посягательств в уголовном праве Российской Федерации; весь механизм уголовно-правового регулирования-воздействия на общественные отношения должен базироваться на Концепции о гарантиях защиты в УК РФ и выступать в качестве основного в УК РФ; правоохранительная политика противодействия преступности должна формироваться на условиях равной защиты интересов личности, общества и государства от (любых) общественно опасных угроз и посягательств; такие базовые концепции УК РФ, как «преступление» и «наказание», должны соотноситься с основной идеологической Концепцией о гарантиях защиты в УК РФ и реализовываться в системе.

Для решения поставленных задач предлагается законодательно закрепить во Вводной части УК РФ новый для уголовного права институт — «гарантии защиты в уголовном праве Российской Федерации».

Таким образом, учитывая социальную роль Уголовного кодекса РФ, историческую предназначенность права в жизни людей, общества и государства, для углубления формулы философии и логики юридической материи уголовного права справедливо формирование и развитие адекватной нарастающим угрозам и опасностям новой формулы — концепции: «Уголовное право + гарантии защиты = позитивное (положительное, социальное) уголовное право» как логика «более высокого порядка».

С. Ж. Соловых, доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», канд. юрид. наук, рассматривает право на справедливое судебное разбирательство как ценностный онтологический критерий правосудия. Право на справедливое судебное разбирательство онтологически связано с правом на судебную защиту, установленным в ст. 46 Конституции РФ. В свою очередь, право на судебную защиту как общее конституционное право гражданина характеризуется особой социальной значимостью, стабильностью, неотчуждаемостью, всеобщностью. Таким образом, право на судебную защиту в содержательной своей части состоит в том, что оно принадлежит каждому гражданину и дает возможность беспрепятственного обращения к органам судебной власти за защитой нарушенного права и охраняемого законом интереса, а также обжалования любых решений органов государственной власти.

К важнейшим элементам права на судебную защиту в юридической литературе относят право на обращение в суд за защитой нарушенного права¹⁷. Данная правовая возможность непосредственно вытекает из норм международного права и как элемент права на судебную защиту не подлежит какому-либо ограничению.

По смыслу ст. 46 и 123 Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод право на судебную защиту — это не только право на обращение в суд, но и право быть

¹⁷ См.: *Стецовский Ю. И.* Судебная власть. М., 1999. С. 120—128; *Витрук Н. В.* Конституционное правосудие: учеб. пособие. М., 1998. С. 300—302.

выслушанным судом при разрешении дела по существу на основе состязательности и равноправия сторон.

Европейский Суд по правам человека, интерпретируя в своих решениях смысл ст. 6 Европейской конвенции, определяет, что национальные суды должны обосновать свои действия и мотивы в решении по делу, т.е. любое судебное разбирательство должно заканчиваться мотивированным решением¹⁸. Таким образом, в содержание права на судебную защиту должно включаться право на результат судебного разбирательства¹⁹.

Исходя из положений норм международного права, устанавливающих стандарты судебной защиты, а также основываясь на положениях Конституции РФ, можно утверждать, что основными процессуально-правовыми средствами наряду с иными, входящими в механизм реализации права на судебную защиту, являются субъективные процессуальные права, которые непосредственно детализируют правомочия субъекта.

АПК РФ, содержащий гарантии реализации конституционного права на судебную защиту, выступает систематизированным средством конкретизации, так как детализирует соответствующие предписания как международных актов, устанавливающих стандарты судебной защиты, так и Конституции РФ. Субъективное процессуальное право на доступ к правосудию предполагает своим содержанием возможности инициирования судебной деятельности, получение квалифицированной юридической помощи, а также полной информации о судебном разбирательстве.

Следует указать, что в соответствии с п. 1 ст. 14 МПГПП каждый имеет право на равенство перед судом; «справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Равенство перед судом включает в себя в том числе и равный доступ к правосудию, что означает:

1) право на обращение в суд должно быть доступно всем индивидам независимо от гражданства или отсутствия такового, либо их статуса, будь то лица, ищущие убежище, беженцы, рабочие-мигранты, дети без сопровождения;

2) любые различия в отношении доступа к правосудию, которые не основаны на законе и не могут быть оправданы по объективным и разумным основаниям, запрещены;

3) государствам рекомендуется предоставлять бесплатную юридическую помощь по сложным административным делам.

Европейский Суд по правам человека устанавливает, что право на доступ к правосудию не является абсолютным и, как следствие, может быть подвергнуто определенным ограничениям национальным законодательством, но

¹⁸ См.: постановление Европейского Суда по правам человека от 1 июля 2003 г. «Суоинен против Финляндии» (Suominen v. Finland) (жалоба № 37801/97). URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/suominen-protiv-finlyandii-postanovlenie-evropejskogo-suda> (дата обращения: 09.07.2018).

¹⁹ См.: постановление Европейского Суда по правам человека от 11 января 2007 г. «Кузнецов и другие против России» (Kuznetsov and Others v. Russia) (жалоба № 184/02). URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/kuznetsov-i-drugie-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda> (дата обращения: 09.07.2018).

с условием разумной соразмерности между используемыми средствами и законной целью таких ограничений.

В. В. Елистратова, доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», канд. юрид. наук, свое выступление посвятила правовым преимуществам в сфере межгосударственной интеграции, отметив, что правовые преимущества имеют регулятивное и социальное начала. Будучи юридическими средствами, они способствуют реализации общеправовых принципов гуманизма, законности, равноправия, социальной справедливости, демократизма, единства прав и обязанностей, сочетания стимулирования и ограничения в праве. Следует согласиться с точкой зрения, что преимущества дают праву возможность воспринимать внутренние императивы развития общественных отношений и структур, действовать в соответствии с ними²⁰.

В различных межгосударственных интеграционных объединениях и международных организациях таковыми субъектами выступают связанные общими целями и интересами государства-члены. В сфере межгосударственной интеграции для устранения или смягчения барьеров на пути перемещения капитала, технологий, товаров, рабочей силы широкое распространение получили такие правовые преимущества, как таможенные, тарифные, торгово-политические льготы, преференции в качестве исключений из принципа равноправия государств, налоговый иммунитет и др. Правовые преимущества создают условия для функционирования зон свободной торговли, таможенных союзов, общих рынков, экономических и политических союзов.

Под прикрытием приоритетности общих интересов государства – участники различных межгосударственных и международных структур часто преследуют собственные цели, пытаясь получить для себя больше преференций. Подобное демонстрируют и отдельные страны Европейского Союза, что явно не способствует общим целям интеграции. Реального равноправия государств – членов ЕС при внешней демократии сегодня нет. Об этом свидетельствуют политическое давление на отдельные страны, квоты на сельскохозяйственные продукты, выход на дешевые кредиты. Так, Германия на правах лидера Евросоюза явно создает для себя привилегии в плане обеспечения продуктами питания и иными товарами более высокого качества. Преимущества отдельных государств – членов межгосударственного союза должны иметь именно правовой характер, выраженный в их нормативном закреплении. Только в этом случае возможна реализация свойственного им социально-го и регулятивного начала.

В рамках льготно-правовой политики в сфере межгосударственной интеграции важно создать эффективные механизмы реализации правовых преимуществ государств – членов межгосударственных союзов, а также определить меры их ответственности в случае нарушения установленных норм и принципов льготирования. Необходимо формирование демократических механизмов реализации правовых преимуществ на основе принципа верховенства права и гармонизации законодательства. На современном этапе участникам различных межгосударственных структур, в том числе России, и, отметим особо, участникам Евразийского экономического союза следует ориентироваться на подобный подход.

²⁰ См.: Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. В связи с теорией и практикой социалистического управления. Саратов, 1972. С. 135.

М. А. Фастова, доцент кафедры теории и истории государства и права Астраханского гос. технического ун-та, канд. юрид. наук, определила границы методологического поля эгалитаризма в теоретических моделях посредничества, отметив, что неоднозначность определений посредничества зачастую приводит к многообразию исследовательских аспектов. Отсутствие общепринятой дефиниции – свидетельство сложности изучаемого явления и незавершенности исследований. Еще не достигнуто состояние связности дифференцированных аспектов и обобщенного уровня знания процесса посредничества. Соответственно, в различных сферах научного познания можно обнаружить свои модели посредничества как целостной системы.

Объективность, закономерность, необходимость этой целостной системы выражается в том, что все ее компоненты регулируют основные, главные, наиболее существенные общественные отношения в сфере посредничества. Вследствие этих качеств данной целостности посредничество составляет базу, фундамент всей системы посреднических отношений в рамках общественных.

В то же время одной из важнейших идей, во многом определившей эволюцию индустриального и появление постиндустриального общества, развитие общественных отношений в целом, является эгалитарная идея. В рамках данной идеи посредничество, на наш взгляд, представляет собой так называемую правовую целостность, под которой следует понимать единство соответствующих ее компонентов (частей), которые определенным образом объединены между собой (по содержательным или формальным критериям) и которые в зависимости от их природы и характера связи между ними (объективной, закономерной или субъективной, произвольной) составляют относительно устойчивую организацию.

Чтобы институты демократии и рыночной экономики в условиях постиндустриального, функционально предельно дифференцированного общества, где столь важны точная координация и согласованность взаимодействий индивидов как внутри организаций, так и между ними, могли действовать эффективно, необходимо наличие «общественного капитала» – способности и готовности к интеракции, доверия между людьми²¹.

Таким образом, в контексте рассуждений теоретическая модель посредничества как процесса в общественных отношениях выступает категорией целостности, первичной моделью обобщающего характера, для эффективного функционирования которой необходимо, чтобы равноправные отношения, укладываемые в эгалитарную концепцию, занимали центровую позицию и способствовали дальнейшему развитию посредничества во всех его проявлениях.

Н. В. Баландина, доцент кафедры теории и истории государства и права Астраханского гос. технического ун-та, канд. юрид. наук, акцентировала внимание на актуальных проблемах формирования и реализации правовых позиций современного Российского государства по вопросам предоставления правовых преимуществ. По ее утверждению, тезис «неравенство, положенное в идею преимуществ, все же естественно и объективно» в целом не вызывает отрицания, однако наводит на размышление о соотношении субъективного и объективного начал в вопросах предоставления правовых преимуществ. Как правило, именно правовые

позиции государства, посредством которых оно реализует распределительную функцию, и становятся предметом критики и дискуссий. А. В. Малько справедливо отмечает, что правовые преимущества есть «важнейшее средство выражения предпочтений власти»²².

Формирование правотворческих правовых позиций все больше свидетельствует о субъективном постепенном отказе государства от своих социальных обязательств, приводящем к нарушению принципов социальной справедливости и социальной обусловленности права. **Льготно-поощрительное законодательство должно осуществляться исходя из закрепленной в ст. 7 Конституции РФ социальной сущности Российского государства. Однако преобразования в данной сфере все чаще строятся на позиционно спорных идеях (монетизация льгот, адресная социальная поддержка и проч.), которые в процессе реализации приводят к ухудшению материально-правового положения лиц, нуждающихся в государственной поддержке. И все это происходит на фоне возрастающего общественного возмущения диспропорцией в предоставлении льгот и привилегий для обычных граждан и «избранных».**

Проблемы существуют на уровне не только правотворчества, но и правоприменения. Ключевыми из них являются отсутствие праворазъяснительной инициативы представителей государственной власти (многие «льготники» не знают, какие правовые преимущества полагаются им по закону, каков механизм их получения и проч.), а также излишняя бюрократизация фактического получения правовой льготы. О пороках правоприменительных позиций свидетельствует и обширная судебная практика по искам граждан к государственным структурам.

Л. Г. Щербакова, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. юрид. наук, исследовала вопросы равенства процессуальных возможностей сторон в свете реформы гражданского процесса. Она подчеркнула, что Конституция РФ закрепляет в ряду основополагающих начал деятельности судов принцип состязательности и равноправия. Эта юридическая конструкция многогранна и представляет собой одновременно гарантию соблюдения прав и свобод граждан в частном праве и гарантию соблюдения прав юридических лиц в цивилистике. Законопроект²³, внесенный в Государственную Думу Верховным Судом РФ и успешно прошедший первое чтение, по мнению председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева, содержит в себе положения, направленные на укрепление состязательности и равноправия сторон в судебном процессе²⁴.

Анализ положений будущей реформы позволил сделать вывод о том, что нормы, исключающие участие в гражданском процессе непрофессиональных представителей, действительно обеспечивают состязательность сторон в процессе, которая определяется в юридической литературе как равные возможности в представлении своей правовой позиции перед судом. Однако другие положения реформы не способствуют реализации принципа справедливости. В частности, допуск в гражданский

²² Малько А. В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 30.

²³ См.: Законопроект № 383208–7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о реформе процессуального законодательства). URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/383208-7>

²⁴ См.: Лебедев рассказал, как идет реформа апелляционных судов. URL: <https://pravo.ru/news/200603/>

²¹ См.: Глухов А. П. Проблема обоснования эгалитаризма в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2002.

и арбитражный процесс решений без мотивировочной части может негативно сказаться на эффективности судебной системы в целом.

Теория правовой привилегии не близка правоприменению в судах из гражданских и экономических споров. В гражданском и арбитражном процессе возможны льготы в форме рассрочки или отсрочки уплаты государственной пошлины, но в остальном принцип равноправия сторон преобладает над возможностью обеспечивать правовые привилегии. Л. Ф. Шумилова указывает на недопустимость одностороннего влияния на ход процесса в современных условиях и необходимость реализации принципа состязательности через формальное равенство сторон²⁵.

В настоящее время проблемы принципа равноправия и принципа состязательности, возникающие на практике, можно представить следующим образом: отсутствие у сторон реальной возможности участвовать в процессе при смещении подсудности в отдаленный регион; неравные возможности в процессе собирания доказательств при использовании различных форм юридической помощи; проведение судебного разбирательства в отсутствие заинтересованных лиц; непривлечение третьих лиц к процессу.

Представляется, что реформа процессуального законодательства адекватно сможет решить только вторую проблему, так как закон ограничит допуск непрофессиональных представителей в цивилистический процесс. Для отраслей цивилистического процессуального права принцип процессуального равноправия и состязательности должен быть преобладающим над доктриной льгот и преимуществ. Только так можно достичь справедливого судебного разбирательства как идеала гражданского правосудия.

О. В. Лазарева, доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», канд. юрид. наук, отметила, что правовые категории «льготы», «привилегии», «иммунитеты», введенные в широкий научный оборот, остаются в центре внимания многих ученых. Однако необходимо сказать о недостаточной разработанности их общей категории «правовые преимущества», которая способна обогатить юридическую науку.

Автор провел анализ российского законодательства на предмет правовых преимуществ, предоставляемых пенсионерам. Компенсация осуществляется в порядке, размере и на условиях, определяемых Правительством РФ²⁶. Она может производиться в виде предоставления проездных документов, обеспечивающих проезд пенсионера к месту отдыха и обратно, или возмещения фактически произведенных пенсионером расходов на оплату стоимости проезда в установленных пределах. Для этого пенсионер (или его представитель) направляет заявление и документы, необходимые для предоставления компенсации, в территориальный орган Пенсионного фонда РФ по месту жительства. Сама же выплата указанной компенсации

²⁵ См.: Шумилова Л. Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал рос. права. 2015. № 11. С. 55.

²⁶ См.: постановление Правительства РФ от 1 апреля 2005 г. № 176 (в ред. от 08.12.2016 г.) «Об утверждении Правил компенсации расходов на оплату стоимости проезда пенсионерам, являющимся получателями страховых пенсий по старости и по инвалидности и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно» // СЗ РФ. 2005. № 15, ст. 1340; 2016. № 51, ст. 7374.

производится в порядке, в котором пенсионеру осуществляется выплата пенсии.

Отмечается, что путем правотворческой деятельности правовые преимущества закрепляются в юридических нормах, выступают элементом специального правового статуса, распространяются на конкретную категорию субъектов, предоставляют получение особых (дополнительных) прав и возможность приоритетного пользования ими.

Л. В. Саенко, зав. кафедрой гражданского права и процесса Поволжского ин-та (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. юрид. наук, доц., раскрыла особенности правовых преимуществ субъектов семейных правоотношений. Она отметила, что субъекты семейного права, несомненно, наделены целым рядом преимуществ, проистекающих из содержания их особого статуса. Когда такие преимущества закреплены законодательно, их можно рассматривать в качестве правовых. В Семейном кодексе РФ можно выделить нормы, дающие одним субъектам семейных правоотношений преимущества перед другими.

Л. В. Саенко поддерживает позицию А. Г. Репьева, говоря о значении категории правовых преимуществ для научного знания не только в юридическом ключе, но и в историческом, социальном, нравственном аспектах. Какие же преимущества даются СК РФ субъектам семейных правоотношений и каким именно субъектам? Во-первых, принцип приоритета семейного воспитания ребенка (ст. 54, 153). В п. 1 ст. 63 указано, что родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами. Действительно, абз. 3 п. 1 этой статьи предусматривает преимущественное право родителей на воспитание своих детей перед всеми другими лицами, в том числе родственниками, свойственниками и др. Согласно п. 1 ст. 68 родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или судебного решения. Статья 67 предусматривает право других родственников на общение с ребенком, но не на воспитание. Во-вторых, таковыми можно считать преимущества нетрудоспособных членов семьи (ст. 93—97). В-третьих, при согласии на расторжение брака (ст. 17), когда закон дает преимущество в принятии данного решения женщине (гендерное преимущество).

Семейно-правовые преимущества — это законодательно установленные привилегии для определенных субъектов семейного права, имеющие компенсаторный или стимулирующий характер. Их также можно представить и в качестве элемента правового статуса субъекта семейного правоотношения. Однако не все субъекты семейных правоотношений обладают возможностью не только использовать, но и иметь семейно-правовые преимущества. Основания надления семейно-правовыми преимуществами субъектов семейных правоотношений также обладают своей спецификой — это, в частности, наличие беременности, возраст, состояние здоровья, нетрудоспособность, решение органа опеки и попечительства и др.

А. С. Ужахов, федеральный судья Сунженского районного суда Республики Ингушетия рассмотрел некоторые теоретические вопросы криминологического законодательства о предупреждении преступлений, отметив, что криминологическое законодательство, активно разрабатываемое в последнее время в юридической литературе, нацелено на предупреждение преступлений. Теоретически оно может включать многие нормативные правовые акты: УК РФ, УИК РФ, Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и др.

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется помимо прочего для достижения цели предупреждения совершения новых преступлений. В этом случае было бы логичным,

чтобы вопросы достижения этой цели наказания регламентировались в соответствующих нормативных правовых актах. Однако анализ ряда документов свидетельствует о том, что фактически отсутствует необходимая правовая основа предупреждения преступлений как цели применения наказаний. Так, в УК РФ, как таковое, предупреждение преступлений упоминается лишь несколько раз: в ст. 2, 43, 98 и проч.

При этом Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», который логично должен быть посвящен вопросам предупреждения преступлений при применении уголовных наказаний, на самом деле содержит только отдельные вопросы в сфере профилактики правонарушений, а применения уголовных наказаний в основном касаются институты социальной адаптации и ресоциализации.

Несмотря на то что институты социальной адаптации и ресоциализации применяются в отношении осужденных, УИК РФ при отсутствии упоминания ресоциализации осужденных указывает социальную адаптацию только в качестве задачи уголовно-исполнительного законодательства. С учетом сказанного наличие только отдельных невзаимосвязанных положений в законодательстве относительно предупреждения преступлений, особенно при применении уголовных наказаний, не позволяет говорить о наличии целостной правовой основы в изучаемой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьев С. Ф.* Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (Теоретико-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 6—11.
2. *Бабин Ю. М.* Особенности взаимодействия политической и правовой идеологии в социалистическом обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1981. С. 17.
3. *Витрук Н. В.* Конституционное правосудие: учеб. пособие. М., 1998. С. 300—302.
4. *Глухов А. П.* Проблема обоснования эгалитаризма в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2002.
5. *Денисов С. Ф.* Учёт исторического и зарубежного опыта при формировании и реализации стратегии борьбы с молодёжной преступностью на Украине // Вестник Казанского юридического ин-та МВД России. Спецвып. 2013. С. 190.
6. Документы истории Великой французской революции: учеб. пособие для вузов: в 2 т. / отв. ред. А. В. Адо; сост. А. В. Адо и др. Т. 1. М., 1990. С. 112.
7. Избранные конституции зарубежных стран: учеб. пособие / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2011. С. 200.
8. *Иншаков С. М.* Криминология: учеб. М., 2000. С. 75—105.
9. Криминология: учеб. / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 380—414.
10. Лебедев рассказал, как идет реформа апелляционных судов. URL: <https://pravo.ru/news/200603/>

11. *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2012. С. 916—949.
12. *Малько А. В.* Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 30.
13. *Миньковский Г. М., Ревин В. П., Баранова Л. В.* Концепция проекта федерального закона «Об основах предупреждения преступлений» // Государство и право. 1998. № 3. С. 43.
14. Порядок во власти — порядок в стране: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. // Росс. газ. 1997. 7 марта.
15. Противодействие преступности. Особенная часть: учеб. / под ред. М. А. Кириллова, В. И. Омигова. Чебоксары, 2015.
16. *Стецкий Ю. И.* Судебная власть. М., 1999. С. 120—128.
17. *Тарасова Т. А.* Утопия как политическая и правовая конструкция общества и государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». Т. 5. 2017. № 1 (17). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 22.06.2018).
18. *Харитонов А. Н.* Государственный контроль над преступностью (вопросы теории): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1997.
19. *Шабалин В. А.* Методологические вопросы правоведения. В связи с теорией и практикой социалистического управления. Саратов, 1972. С. 135.
20. *Шумилова Л. Ф.* Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал рос. права. 2015. № 11. С. 55.

REFERENCES

1. *Afanas'ev S. F.* Evolyuciya yuridicheskogo interesa kak predposylki prava na obrashchenie v sud grazhdanskoj yurisdikcii (Teoretiko-pravovoj obzor) // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2007. № 1. S. 6—11.
2. *Babin Yu. M.* Osobennosti vzaimodejstviya politicheskoy i pravovoj ideologii v socialisticheskom obshchestve: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1981. S. 17.
3. *Vitruk N. V.* Konstitucionnoe pravosudie: ucheb. posobie. M., 1998. S. 300—302.
4. *Gluhov A. P.* Problema obosnovaniya egalitarizma v postindustrial'nom obshchestve: dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 2002.
5. *Denisov S. F.* Uchyot istoricheskogo i zarubezhnogo opyta pri formirovanii i realizacii strategii bor'by s molodyozhnoy prestupnost'yu v Ukraine // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo in-ta MVD Rossii. Specvyp. 2013. S. 190.
6. *Dokumenty istorii Velikoj francuzskoj revolyucii: ucheb. posobie dlya vuzov: v 2 t. / отв. ред. А. В. Адо; сост. А. В. Адо и др. Т. 1. М., 1990. S. 112.*
7. *Izbrannye konstitucii zarubezhnyh stran: ucheb. posobie / отв. ред. В. А. Strashun. M., 2011. S. 200.*
8. *Inshakov S. M.* Kriminologiya: ucheb. M., 2000. S. 75—105.

9. Kriminologiya: ucheb. / pod red. A. I. Dolgovej. M., 2005. S. 380—414.
10. Lebedev rasskazal, kak idet reforma apellyacionnyh sudov. URL: <https://pravo.ru/news/200603/>
11. *Luneev V. V.* Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii: v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'. M., 2012. S. 916—949.
12. *Mal'ko A. V.* L'gotnaya i pooshchritel'naya pravovaya politika. SPb., 2004. S. 30.
13. *Min'kovskij G. M., Revin V. P., Barinova L. V.* Konceptiya proekta federal'nogo zakona "Ob osnovah preduprezhdeniya prestuplenij" // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 3. S. 43.
14. Poryadok vo vlasti — poryadok v strane: poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 6 marta 1997 g. // Ross. gaz. 1997. 7 marta.
15. Protivodejstvie prestupnosti. Osobennaya chast': ucheb. / pod red. M. A. Kirillova, V. I. Omigova. Cheboksary, 2015.
16. *Stecovskij Yu. I.* Sudebnaya vlast'. M., 1999. S. 120—128.
17. *Tarasova T. A.* Utopiya kak politicheskaya i pravovaya konstrukciya obshchestva i gosudarstva // Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo". T. 5. 2017. № 1 (17). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (data obrashcheniya: 22.06.2018).
18. *Haritonov A. N.* Gosudarstvennyj kontrol' nad prestupnost'yu (voprosy teorii): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. N. Novgorod, 1997.
19. *Shabalin V. A.* Metodologicheskie voprosy pravovedeniya. V svyazi s teoriej i praktikoj socialisticheskogo upravleniya. Saratov, 1972. S. 135.
20. *Shumilova L. F.* Principy sostyazatel'nosti i ob"ektivnoj istiny kak fundamental'nye nachala pravoprimeritel'noj praktiki // Zhurnal ross. prava. 2015. № 11. S. 55.

**A REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN “ROUND TABLE” JOURNALS
“STATE AND LAW”, “LEGAL POLICY AND LEGAL LIFE”, “BULLETIN
OF THE RUSSIAN LAW ACADEMY”, THE “LEGAL CULTURE”
ON THE THEME “LEGAL ADVANTAGES: HISTORY AND MODERNITY”
DEDICATED TO THE ANNIVERSARY OF HONORED WORKER OF HIGHER
SCHOOL OF RUSSIA, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR
ALEXANER S. MORDOVETS**

© 2019 A. V. Malko^{1, *}, N. V. Krotkova^{2, 3, **}, K. A. Grandonyan^{4, ***}

¹ *Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*

² *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;*

³ *Journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

⁴ *Saratov Social and Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics*

* *E-mail: i_gp@ssla.ru*

** *E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

*** *E-mail: karap.grand@mail.ru*

Received 21.09.2018

The review of the All-Russian “Round Table” magazines “State and Law”, “Legal policy and legal life”, “Bulletin of the Russian law Academy”, “Legal culture” on “Legal advantages: history and modernity”, dedicated to the anniversary of the honored worker of the higher school of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Alexander S. Mordovets, which took place on June 28, 2018 in the Saratov state law Academy. The relevance of the publication of the materials of the “Round Table” is due to the importance of the research of the Institute of legal advantages and the practice of its implementation in modern society.

The purpose of the “Round Table” is to analyze the diverse aspects of legal advantages through the historical prism and features of modern legal regulation. The participants of the round table discussed the ideology of equality and the determinants of legal advantages in society and the state. The participants presentations substantiate the role and importance of various legal advantages in the legal system of society, provide both critical comments and new proposals for the development of the theory and practice of legal advantages.

Key words: legal advantage, legal culture, legal state, civil society, ideology of equality.

Сведения об авторе

МАЛЬКО Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук
КРОТКОВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, Москва; заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук, Москва

ГРАНДОНЯН Карапет Андраникович – кандидат юридических наук, декан факультета экономической безопасности и таможенного дела Саратовского социально-экономического института (ф) РЭУ им. Г. В. Плеханова

Authors' information

MALKO Alexander V. – Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

KROTKOVA Natalya V. – PhD in Law, leading researcher in the sector of Constitutional Law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, Moscow

GRANDONYAN Karapet A. – PhD in Law, Dean of the Faculty of Economics Security and Customs Affairs of the Saratov Social and Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics